

К К а а э э а а х х с с т т а а н н с с ж ж а а я

п п р р а а в в д д о о

По принципу неотвратимости

Об итогах научной конференции Ассоциации криминологов Казахстана - Игорь Рогов

Является ли склонность к совершению преступлений генетическим наследием человечества или же корни этого явления простираются в социальном поле? Над разрешением этой дилеммы светлые умы бьются веками. Бьются не ради удовлетворения праздного любопытства, а в стремлении сделать общество более цивилизованным, безопасным и гуманным. Аналогичную цель преследовали и участники состоявшейся на прошлой неделе в Алматы научной конференции Ассоциации криминологов Казахстана. Об итогах форума и в целом о проблемах борьбы с преступностью по завершении мероприятия наш корреспондент побеседовал с президентом ассоциации, председателем Конституционного совета Республики Казахстан, доктором юридических наук, профессором Игорем РОГОВЫМ.

— Игорь Иванович, прежде чем браться за «глобальную» тему борьбы с преступностью, расскажите вкратце о том, что такое Ассоциация криминологов, и о состоявшемся в Алматы форуме.

— Общественное объединение ученых-криминологов Казахстана, президентом которого мне выпала честь быть, создано несколько лет назад. Однако практика подобного альянса людей, занимающихся проблемами предупреждения преступности и изучением причин этого явления, не нова. В свое время подобная «цеховая» организация существовала в СССР, ее правопреемницей стала российская ассоциация. Собственно, этот опыт и послужил предпосылкой к тому, чтобы создать аналогичную казахстанскую структуру...

Мы собираемся на регулярной основе, и, что характерно, каждая конференция ассоциации проходит при участии зарубежных коллег. Нынешний форум в Алматы был довольно широко представлен. В нем помимо казахстанских корифеев криминологии приняли участие ведущие специалисты из Германии, Японии, Испании. Были рассмотрены теоретические и практические вопросы борьбы с преступностью с позиции правоохранительных органов и институтов гражданского общества, проанализированы международный опыт и национальная практика по данной проблематике.

Второй день работы был посвящен подведению итогов общереспубликанского конкурса «Криминолог года», который проводился в нашей стране впервые. Для участия в нем были выдвинуты шесть номинантов — специалистов, которые внесли наибольший вклад в развитие криминологической науки. Все они признаны лауреатами конкурса.

Решением конкурсной комиссии звание «Криминолог года» присуждено доктору юридических наук, профессору Узюкёну Суйкинбаевичу Жекебаеву. Он и наш коллега — доктор юридических наук, профессор Е. Каиржанов — по праву считаются основателями отечественной криминологии, и по индексу цитирования научных работ являются лидерами. Думаю, не будет преувеличением назвать этих людей ведущими криминологами XX столетия.

Также в этот день на пленарном заседании были выработаны рекомендации конференции. В частности, ее участники обратили внимание на необходимость совершенствования мер защиты жертв преступлений, внедрения института «ювенальных судов», проведения криминологических экспертиз всех готовящихся законопроектов, активного задействования потенциала неправительственных организаций в процессе исполнения уголовного наказания, сосредоточения усилий государственных органов на предупреждении, выявлении и нейтрализации причин и условий совершения преступлений.

— Думаю, нашим читателям более знаком термин «криминалистика». А что такое криминология, в чем различие этих понятий?

— Криминология в отличие от криминалистики, науки о раскрытии преступлений, изучает причины возникновения преступности и преступлений, пути противодействия этим явлениям. В общем, понятия, как вы понимаете, не идентичные.

— В связи с этим возникает вопрос: по каким критериям определяется лучший криминолог года, ведь деятельность ученых-теоретиков сложно измерить каким-либо конкретным показателем?

— Отвечая на этот вопрос, приведу вам пример из советского прошлого, когда, прежде чем номинироваться в члены Академии наук СССР, необходимо было пройти согласование в ЦК КПСС. Подобной процедуры в свое время не избежал, рассказывают, Игорь Иванович Карпец — ныне покойный, классик советской криминологии, первый доктор наук из числа практических работников уголовного розыска.

На собеседовании в ЦК ему задали вопрос: мол, вот вы много написали научных работ, а как у нас в стране с преступностью в целом-то? Она растет или снижается? На это Карпец ответил, что в целом наличествует тенденция к снижению, но в последние годы преступность растет.

Нужно сказать, он обладал достаточно полной, в том числе и конфиденциальной, информацией, знал проблему не понаслышке, потому и констатировал текущую на тот момент ситуацию как не совсем благоприятную. На что партийные товарищи ответили: «Ну вот, когда

снизится преступность, тогда и представите свою кандидатуру!»). В общем, академиком он стал значительно позже.

И если говорить об иронии, которую я почувствовал в вашем вопросе, то, безусловно, нет у нас такого криминолога, который мог бы ответственно заявить: да, благодаря моим трудам преступность снизилась! Очевидно, оценивать индивидуальный вклад ученых в этот процесс нужно по иным критериям. Но одно можно констатировать совершенно определенно: сегодня государственные структуры прислушиваются к мнению теоретиков и берут на вооружение наиболее рациональные их разработки.

— А как вообще с преступностью можно бороться теоретически? Насколько теория в данном аспекте имеет шансы быть имплементированной в практику?

— Мы подошли к главному вопросу: какой прок от ваших теоретических умозаключений? Вы знаете, советские криминологи долго говорили о том, что причины преступности лежат в социальном поле. Грубо говоря, преступниками не рождаются, ими становятся. А поскольку считалось, что социализм не порождает преступность, то она признавалась «родимым пятном капитализма». И лишь в некоторой степени сохранению этих «пятен» способствуют недочеты в работе школы, коллектива и прочие подобные факторы. Об этом твердили, пока профессор Саратовского университета Иосиф Соломонович Ной не выдвинул теорию возникновения склонности людей к агрессии и насилию на генном уровне.

Сразу оговорюсь, я лично не разделяю подобную гипотезу, доказательная база того, что ген агрессии предопределяет становление личности, достаточно слаба. Безусловно, не принимать во внимание наследственный фактор нельзя, гены очевидно влияют на темперамент человека. Но станет он при этом преступником или великим спортсменом, опять же во многом зависит от социального формата, в котором личность самореализуется.

Однако, на мой взгляд, заслуга Ноя состоит в том, что другие советские ученые, в частности академики И. Карпец и В. Кудрявцев, в стремлении опровергнуть его теорию начали более критично смотреть на социализм, доказывая, что в истоках преступности лежат глубинные социальные причины. И именно благодаря Ною впервые в советской криминологии появились тезисы о том, что и социализм способен породить преступность. А разгул экономической преступности и коррупции транзитного периода, когда от социалистической системы хозяйствования мы переходили к рыночной, очень красноречиво подтвердил, что в основе негативной динамики преступлений социальный фактор играет определяющую роль.

Но в то время к криминологам не слишком прислушивались. Теперь же, когда наступил более спокойный период, мы имеем возможность свободнее

смотреть по сторонам, оглядываться назад и, естественно, заглядывать вперед, анализировать ситуацию, делать выводы.

— Следует ли из ваших слов, что нынешнюю криминогенную ситуацию в стране вы характеризуете как относительно благополучную?

— Скажем так: ситуация не слишком тревожная, контролируемая. С середины 90-х годов уровень преступности в нашей стране имеет тенденцию к снижению.

— Статистика это подтверждает?

— Не буду утомлять вас цифрами, приведу наиболее показательные из них. Если в 2000 году было зарегистрировано 150 790 преступлений, то в 2003 году их количество снизилось до 118 485. В последние два года показатели несколько возросли, в 2004-м — 143 550, в 2005-м — 146 147 преступлений. Но это объясняется проводимой прокуратурой более жесткой линией по стопроцентному учету преступлений. В целом же замечу, что только по статистике о состоянии преступности в государстве судить довольно сложно. В настоящее время для адекватной оценки используются различные социологические замеры, уровень так называемой латентной преступности. И подобные критерии показывают, что у нас ситуация с преступностью гораздо более благополучная, нежели в соседних государствах СНГ. Во многих из них наблюдается тенденция роста.

Впрочем, я не склонен считать, что в этом особая заслуга наших правоохранительных органов, пусть их служители на меня не обижаются. Причина позитивных тенденций прежде всего заключается в тех самых определяющих экономических и социальных факторах, которые у нас стали более благоприятными. Люди теперь в большей степени склонны выбирать «законопослушные» способы обеспечения собственного благополучия.

— Мы чтим Уголовный кодекс?

— Да, в этом смысле Остап Бендер был прав. Уголовный кодекс нужно не только чтить, но для начала хотя бы читать, то есть нужна активная пропаганда правовых знаний...

И возвращаясь к исходной точке нашей беседы, к вопросу о том, способна ли наука влиять на изменение криминогенной ситуации, я хотел бы апеллировать к опыту Соединенных Штатов Америки. Честно говоря, сам был поражен, когда изучил последние данные по этой стране, потому что на протяжении десятилетий криминогенный портрет американского общества был совершенно неутешительным: высокий уровень преступности, особенно насильственной, критический удельный вес тяжких преступлений. И это несмотря на то, что карательная система в США достаточно жесткая.

Смертную казнь в обозримом будущем они отменять не собираются, сроки лишения свободы — не чета нашим. По количеству «тюремного населения» США лидируют.

Радикальный перелом картины преступности произошел в этой стране за последние десять лет. И хочу заметить, во многом под влиянием криминологов, криминологической науки, которая в США развита не только в аспекте щедрого материального обеспечения инновационных разработок, но и всегда была востребована с прагматичных социальных позиций.

Особенно четко эта тенденция прослеживается в наши дни, когда фирмы активно нанимают специалистов-криминологов для обеспечения корпоративной безопасности, предупреждения хищений, для выявления лиц, склонных к продаже секретов, информации. Криминологи проводят необходимые мероприятия. Дают рекомендации, которые носят практический характер. Активно работают, скажем так, на индивидуально-эмпирическом уровне.

— Как этот уровень преломляется в фокусе государственных интересов? Ведь в конечном итоге задача криминологической науки — обеспечивать интересы державы...

— Верно. И здесь американские криминологи играют активную роль. Лет десять назад США на основе рекомендаций ученых провозгласили новую политику борьбы с преступностью. И название ей придумали интересное: так называемая «нулевая толерантность к правонарушителям».

— То есть никакой пощады «хулиганам»?

— Именно так. На языке отечественных юристов это означает неотвратимость наказания применительно к любым, даже самым мелким, правонарушениям. Суть концепции такова: ни одно правонарушение не должно оставаться безнаказанным — ни административное, ни дисциплинарное, ни тем более уголовное: на все органы реагируют, и реагируют немедленно. Не обязательно жестко, не обязательно бросая всех в тюрьму. Но — ре-а-ги-ру-ют!

Американцы, такие «наивные люди», считают, что полицейские, коль они получают деньги из бюджета, должны работать, находясь на посту. И если полицейский не заметил, как кто-то плюнул на асфальт или бросил бумажку мимо урны, значит, он бездельничал в рабочее время, не выполняя возложенных на него обществом функций и, следовательно, тоже должен быть за это наказан. Тем более, как показывает практика, от броска окурка мимо урны до тяжкого преступления не такая уж большая дистанция. А когда органы обеспечения правопорядка реагируют буквально на все, в

обществе появляется та самая дисциплина, которая формирует позитивные тенденции в картине криминала.

— А как эта тенденция подтверждается, опять же, статистикой?

— Показательно, должен сказать. За те самые десять лет, о которых мы ведем речь, преступность в США сократилась на тридцать процентов, а уровень насильственной преступности — на 33,4 процента! И это при том, что исходная ситуация была одной из самых неблагоприятных в мире.

Кстати, началось все в Нью-Йорке, на тот момент — самом криминальном городе Америки. Мэр мегаполиса начал бороться жесткими мерами с самыми незначительными правонарушениями, такими как неправильная парковка автомобилей, например. Было много международных скандалов по этому поводу, к ответственности привлекали даже дипломатов — сотрудников ООН. Но поскандалили и перестали. Начали правильно парковаться. Вскоре самый опасный по всем показателям город стал одним из сравнительно безопасных. К счастью, у нас исходная ситуация гораздо оптимистичнее. Но зачем же ждать, когда станет невмоготу? Вот вам наука...

Второе, что сделали американцы, — обратили внимание на меры социально-экономического характера. Подобные идеи есть и у нас. Мы постоянно говорим об этом. Но опять же мало говорить, нужно делать. В США ведется серьезная работа по социально неблагополучным, маргинальным слоям населения — бездомным, безработным. На это отпускаются из бюджета огромные средства. Ведь важно не только наказывать за неправомерное поведение, но и стимулировать правомерное.

И третье — это усиление материально-технического оснащения правоохранительных органов. Не жалеют они денег на это. Повсеместно вводится экспертиза ДНК, что для нас пока очень редкое и дорогое удовольствие. Но это оправданно, поскольку анализ ДНК является прекрасным средством доказательства особенно тяжких преступлений.

Очень сильны в Америке и различного рода психологические системы тестирования. Сегодня при приеме на работу во многие компании и госучреждения применяются проверки на «полиграфе», другие тесты. Об эффективности этих систем мы знаем еще с советских времен. В конце 80-х годов в Институте по изучению причин преступности и правонарушений в Москве при прокуратуре СССР, а ныне — Российской Федерации, профессором А. Долговой было проведено интересное тестирование по исследованиям ценностных ориентаций. В эксперименте принимали участие несовершеннолетние правонарушители, которые отбывали наказание, и представители контрольной группы, законопослушные подростки. Так вот, когда сравнили итоги тестирования, получилось, что в контрольной группе несколько анкет, назовем их так, практически повторяли личностные

показатели, характерные для правонарушителей. Вроде бы этого не должно было быть. Но слишком уж были похожи результаты. После дополнительного изучения выяснилось, что фигуранты из контрольных групп также были правонарушителями.

Безусловно, подобные тестирования не могут быть использованы в качестве доказательной базы для обвинения, но для поиска, ограничения круга подозреваемых и особенно для предупреждения преступлений эти методы вполне применимы и эффективны.

— Но ведь они посягают на святая святых — конституционные права граждан?

— Не думаю, если это дело добровольное. Допустим, руководство компании решает применять такие методы при приеме на работу сотрудников. Тот, кто считает, что его права будут этим нарушены, может отказаться от претензий на вакантное место. Но если человек заинтересован в том, чтобы работать в компании, работать честно и транспарентно, думаю, для него такое условие будет приемлемо. Кстати, у нас в Казахстане «полиграф» уже довольно широко используется в частных компаниях при приеме на работу.

— Скажите, а возможно ли использовать детекторы лжи в развернувшейся антикоррупционной кампании?

— Конечно, здесь нужно быть максимально осторожными, поскольку стопроцентной гарантии подобные методики не дают, и человека можно обвинить в грехах, которых он не совершал. Поэтому пока эта практика более применима для частных структур. Что же касается госслужбы, то, при определенных условиях, думаю, аналогичные тестирования также будут вскоре востребованы. Ведь известно, что при поступлении на работу, например в правоохранительные органы и спецслужбы, будущие сотрудники добровольно соглашаются на проведение в отношении их некоторых специальных проверочных мероприятий. Если это обязательство расширить предоставлением права оспаривания итогов спецпроверок, оно вполне могло бы эффективно применяться и в госслужбе. Кстати, на Западе такое тестирование используется очень широко.

— А всегда ли готовы представители правоохранительных органов применить прогрессивные разработки на практике, ведь зачастую они просто отвергают теорию как ненужный элемент.

— Есть такой факт. Нередко прогресс упирается в косность мышления наших чиновников. Но здесь многое зависит от того, насколько убедительными будут доводы и аргументы теоретиков. Они должны не замыкаться на каких-то абстрактных вещах, а предлагать конкретные меры. К счастью, возможность быть услышанными у них сейчас есть. В этой связи я бы

отметил работу Совета по правовой политике при Президенте республики. Если направлять свои предложения в эту инстанцию, и об этом еще раз напомнил на конференции председатель совета Б. Имашев, то они будут рассмотрены и получат импульс к реализации. Но вот есть ли у нас такие предложения — другой вопрос.

— Игорь Иванович, деятельностью исключительно правоохранительных органов преступность не победить. Вы отмечали, что для этого нужно объединение усилий всех сегментов общества...

— Без сомнения, это так. Подобно американцам, мы можем бросить силы на то, чтобы в короткие сроки репрессивными методами пресечь все правонарушения. Опираясь на принцип «нулевой толерантности», это возможно сделать. Но для воспитания традиций законопослушания у больших групп людей и тем более в масштабах всего населения требуется более глубокое «психологическое проникновение». Здесь важна синхронность действий всего общества: прессы, образовательных заведений, культивирование законопослушности в формате микросоциумов и ценностных ориентиров нации. Возьмите американские фильмы, их традиционный «хеппи-энд»: убийцы будут найдены, обезврежены и наказаны. И американцы выходят из кинотеатра с чувством удовлетворенной социальной справедливости.

— Но мы ведь это тоже проходили в эпоху социалистического реализма?

— Возможно, это выглядит наивным. Но, по моему мнению, синдром апокалипсиса, который активно насаждается в настоящее время массовой культурой «постсоциализма», имеет криминологически отрицательный эффект. Я понимаю, что рискую вызвать взрыв негативных эмоций у ваших коллег, но та пропаганда «ценностей», которая развернулась на нашем медиа-рынке, чрезвычайно опасна. Андеграунд был во все времена. Но когда с утра до ночи — «Владимирский централ», когда дети играют в «Бригаду», когда престижнейшей профессией девочки называют проституцию, говорить об эффективности борьбы с преступностью не приходится.

Очевидно, необходимо уделять внимание возрождению традиционных ценностей — семьи, брака, религии, если хотите, в толерантных ее проявлениях. И все это нужно делать комплексно. А задача ученых-криминологов — предложить свои мероприятия, наработки для включения их в комплексную программу по борьбе с преступностью, простирающуюся во всех направлениях.

— А насколько сами блюстители порядка готовы перестроиться сегодня на новые правила игры?

— Знаете, здесь мы переходим к другому вопросу. Борьба с преступностью немыслима без борьбы с коррупцией, поскольку иначе в аппарате принуждения появляется масса возможностей, искушений, в том числе и для незаконного обогащения, и тогда наступает диктатура чиновничества.

Что касается борьбы с коррупцией, то ситуация здесь непростая. Но если сказать в двух словах, я уверен, что чиновникам нужно, во-первых, хорошо платить, во-вторых, строго с них спрашивать. Два постулата. Дешевое чиновничество опасно для национальной безопасности. И здесь есть рычаги маневрирования.

Зарплата — ее нужно оптимально просчитать и платить всем по положенности. Но не только зарплата должна определять престижность государственной службы, главное — это социальная обеспеченность. Меня часто спрашивают: зачем судьям такие большие выходные пособия? А затем, чтобы они знали, что если их освободят от должности по так называемым «отрицательным мотивам», то им будет гораздо труднее обеспечить себе старость, которая сейчас занимает довольно продолжительный период жизни человека.

Другими словами, нужно, чтобы чиновник был уверен в завтрашнем дне и все время находился в «подвешенном» состоянии, чтобы он все время «боялся» нарушить свой долг. Многие мои коллеги говорят, что факт взятки очень трудно доказать. Да, это так. Но ее и не надо доказывать. Во всем мире давно уже применяются иные меры по борьбе с коррупцией, а именно — учитываются любые факты дискредитации, когда человек ставит себя под подозрение. Сходил в дорогой ресторан, посетил казино, кто при этом заплатил за тебя, подарки и так далее — все это расписано в Кодексе чести государственного служащего. Появилась компрометирующая публикация в прессе, ты на нее никак не отреагировал, в суд не подал — пиши заявление об отставке!

Другой механизм — декларирование не только доходов, но и крупных расходов: проверили — все нормально. А вот здесь сомнения есть, объясни, пожалуйста. Доказал свою моральную непорочность — молодец, не прошел проверку — уходи.

То есть имеется масса дальних подступов, на которых можно пресекать коррупционные явления. Но это должно срабатывать жестко. Не нужно всех повально привлекать к уголовной ответственности, но выгонять с занимаемой должности за дискредитацию звания государственного служащего — необходимо.

И еще один важный момент. Мы часто говорим о том, что общество наше коррумпировано. Но громче всех об этом говорят те, кто сам давал или дает взятки, чего греха таить. Причем дают не всегда под нажимом вымогателя.

Сплошь и рядом это делается инициативно, с целью выбить что-то именно для себя, обойти конкурентов. Поэтому пока в обществе не будет главенствовать общая атмосфера неприятия этого явления, с мертвой точки дело не сдвинется.

— Могу ли я резюмировать нашу беседу следующим образом: в борьбе с преступностью каждый гражданин должен на себя примерить принцип «нулевой толерантности», принцип неотвратимости наказания?

— Совершенно верно. Только так мы построим цивилизованное и по современным меркам конкурентоспособное общество и государство.

Ольга Казанцева